

Анна Андреевна
АХМАТОВА
(1889-1966)

Учитель: Диденко И.В.

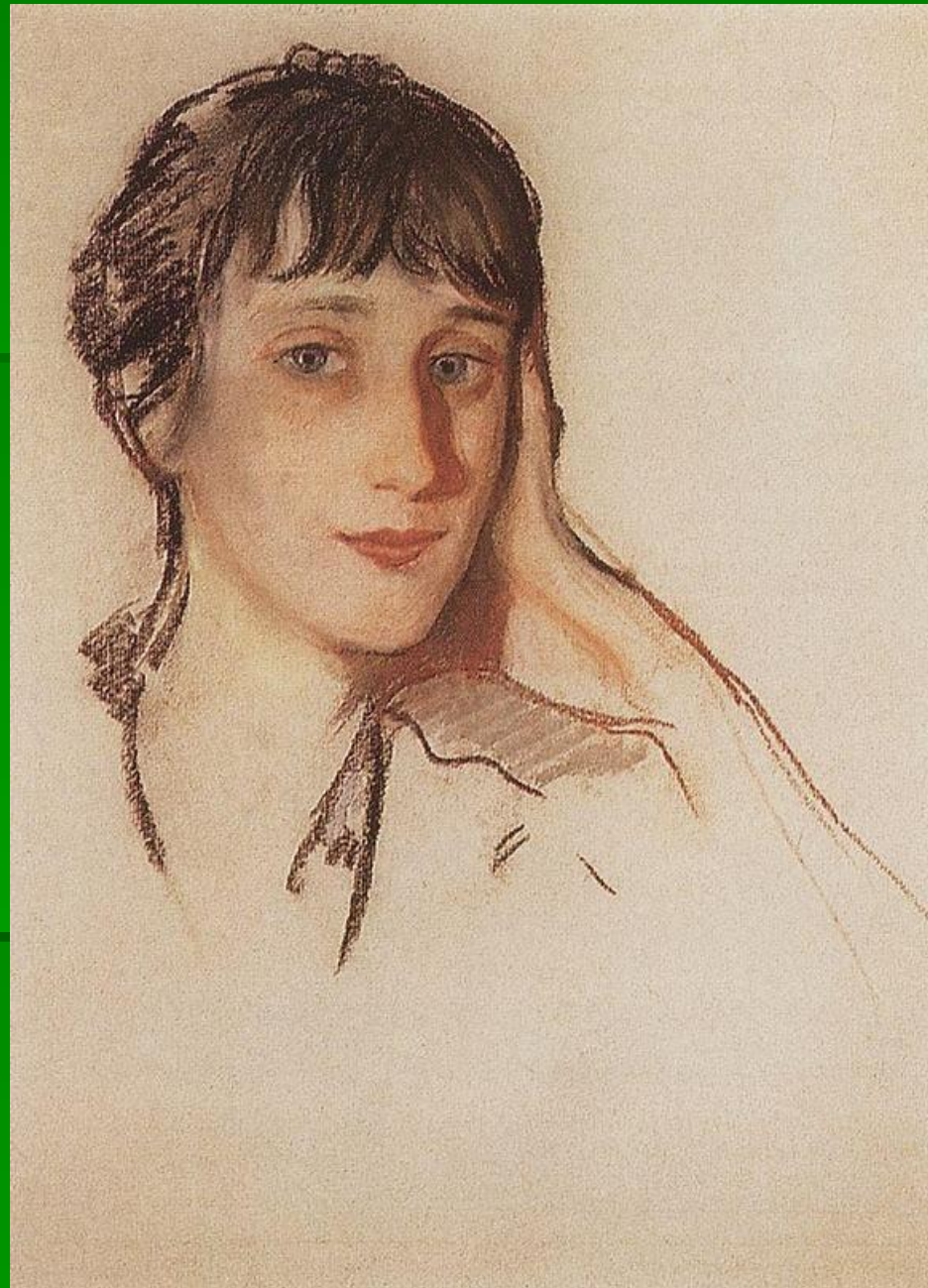
Н.С.Гумилев, Лев Гумилев, А.А.Ахматова. Царское Село. 1916г.

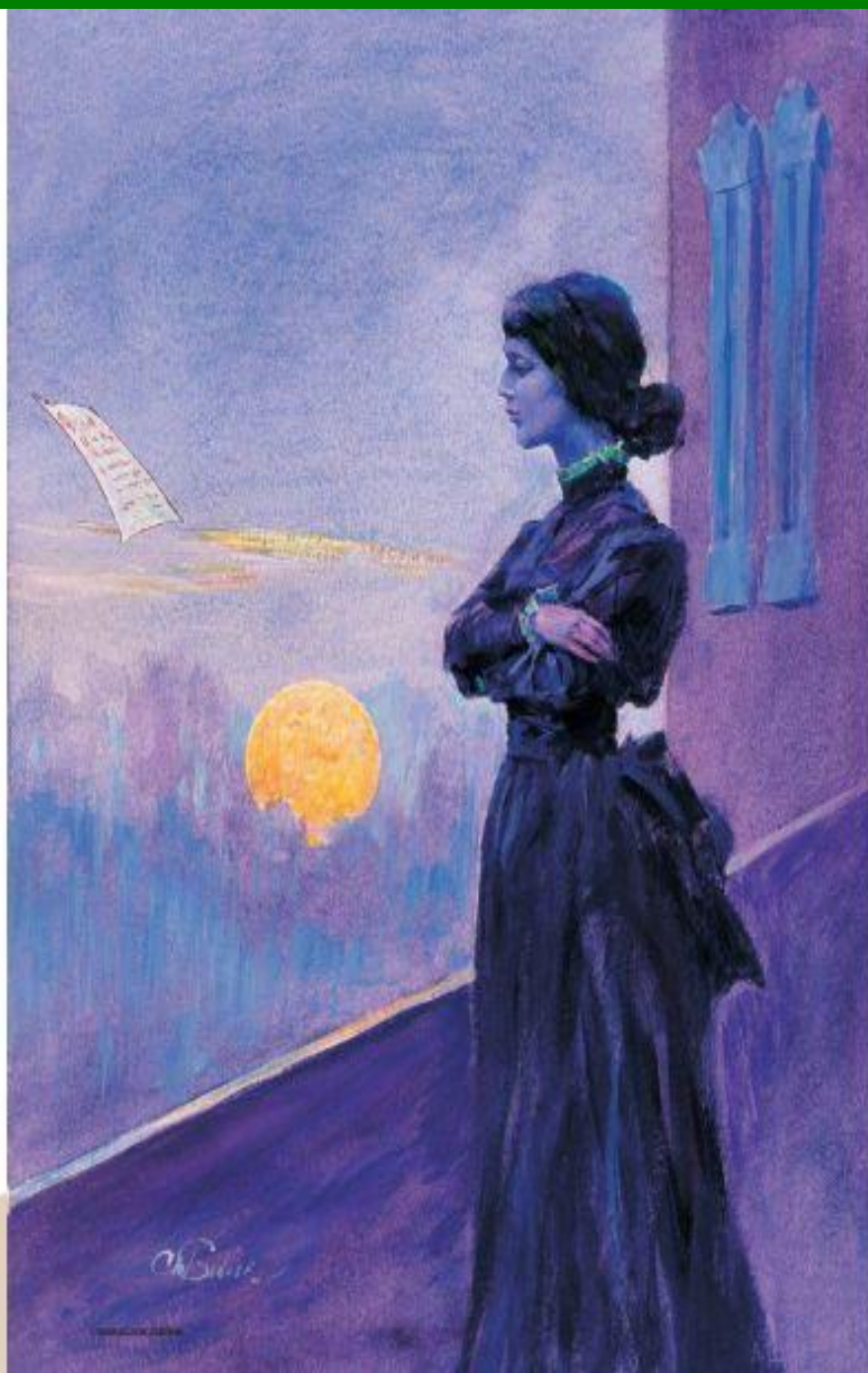

Она была очень внимательна к мельчайшим подробностям, которых до нее, кажется, никто и не замечал:

**Сухо пахнут иммортели
В разметавшейся косе.
На стволе корявой ели
Муравьиное шоссе...**

Какая колоссальная разрешающая способность была у этого поэтического глаза, если муравьиная стежка представляла ему как широкое шоссе! Такой пристальности, такой степени подробности русская лирика еще не знала.

Если у символистов любовь возвышалась до чего-то надмирного, внеземного, то у Ахматовой предмет лирики стала именно земная любовь, в быту возникшая, в быту прожившая, от быта зачастую и погибавшая.

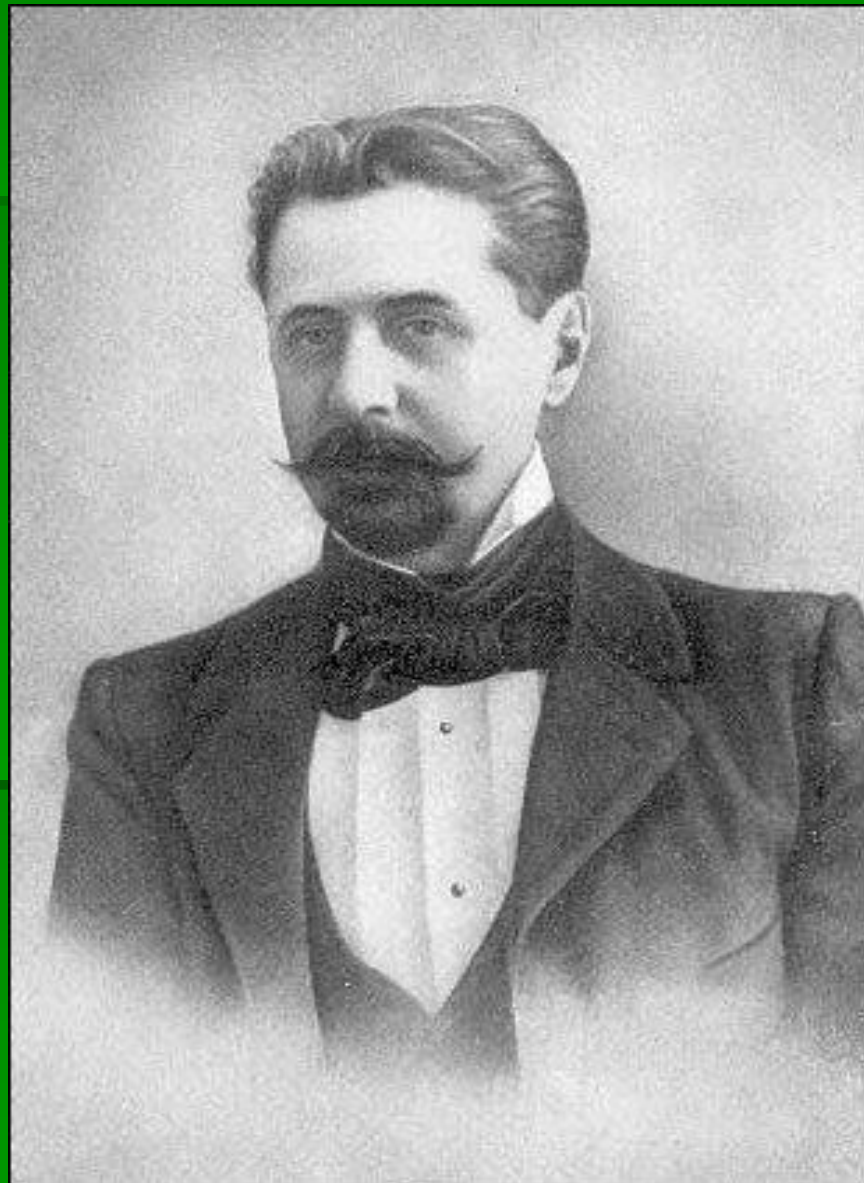
А.Блок

Признавая А. Блока «не только величайшим европейским поэтом первой четверти двадцатого века, но и человеком-эпохой, т. е. самым характерным представителем своего времени», — Ахматова в собственной лирике не столько продолжала Блока, сколько отталкивалась от него.

Своим учителем в поэзии она называла Иннокентия Анненского, обнаженно чувствовавшего силу «вещного», грубого, осязаемого мира. Однако, кроме Анненского, был у Ахматовой еще один, еще более великий и могучий учитель — русская проза XIX века.

И. Анненский

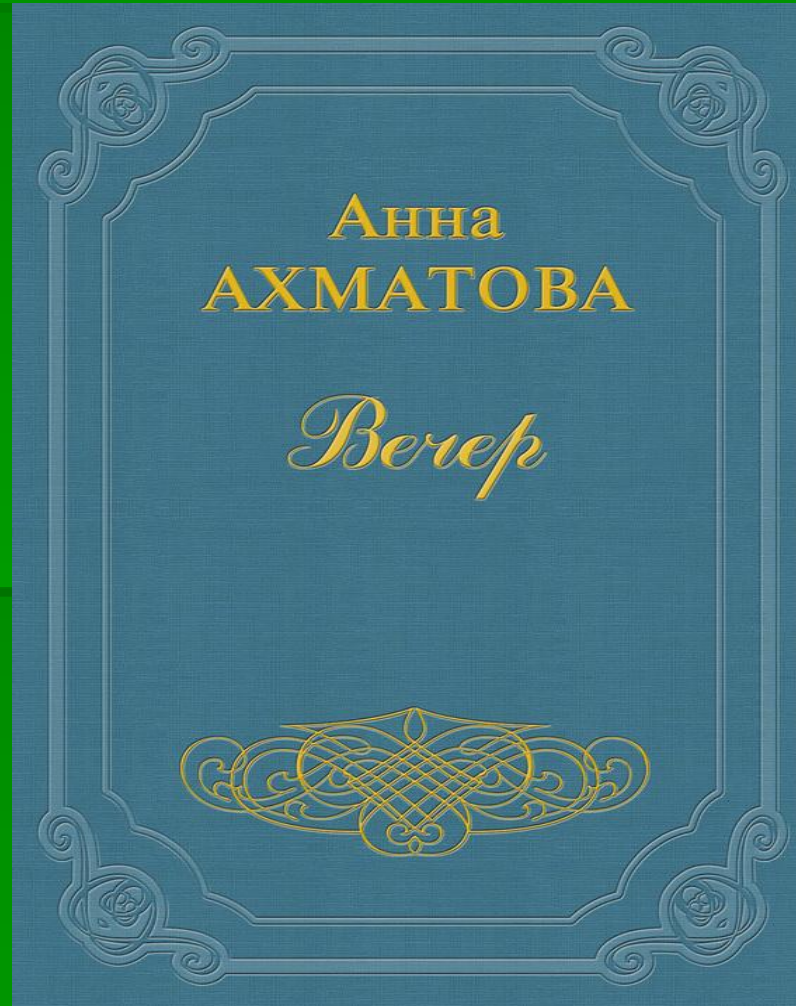

О. Мандельштам

Очень хорошо сказал об этом О. Э. Мандельштам: «Ахматова принесла в русскую лирику всю огромную сложность и богатство русского романа XIX века. Не было бы Ахматовой, не будь Толстого с «Анной Карениной», Тургенева с «Дворянским гнездом», всего Достоевского и отчасти Лескова. Генезис Ахматовой лежит в русской прозе, а не в поэзии. Свою поэтическую форму, острую и своеобразную, она развила с оглядкой на психологическую прозу».

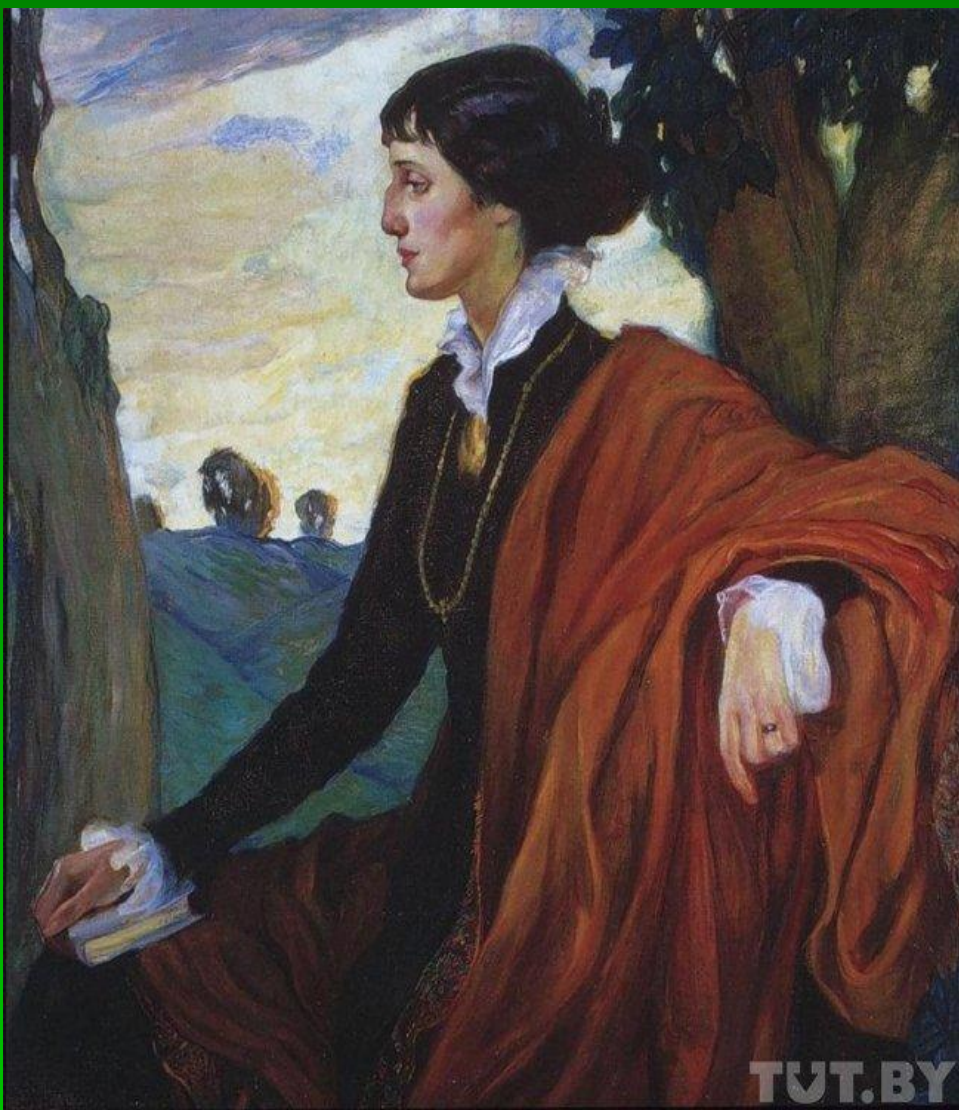
Уже первая книга стихов Анны Ахматовой «Вечер» стала заметным явлением русской лирики.

А.Твардовский

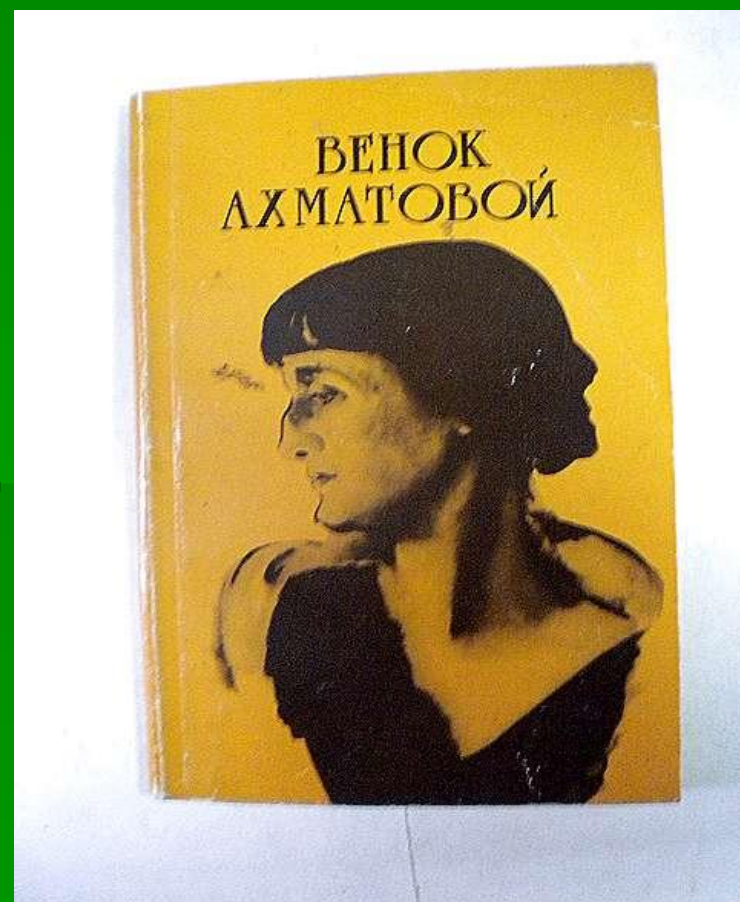
Верное понимание ее поэзии, в частности любовной лирики, стало приходиться много позднее. Уже после ее смерти А. Т. Твардовский, один из крупнейших поэтов нашего столетия, писал: «Любовь у Ахматовой не праздная причуда и не просто дань возрасту, нерассуждающей страсти. Она полна глубокого душевного содержания, она — мера личности, незаменимая и возвышающая «повинность» человеческого сердца, откровенная в своей нетерпимости и нераздельности...

...Поэзия Ахматовой — это прежде всего подлинность, невыдуманность чувств, поэзия, отмеченная необычайной сосредоточенностью и взыскательностью нравственного начала. И ее, между прочим, никак нельзя назвать исключительно поэзией сердца. В целом — это лирический дневник много чувствовавшего и много думавшего современника сложной и величественной эпохи...

«...Лирика Анны Ахматовой — неотъемлемая часть нашей национальной культуры, одна из живых и не утрачивающих свежести ветвей на древе великой русской поэзии».

ЛЮБОВЬ

То змейкой, свернувшись
клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует,

То в инее ярком блеснет,
Почудится в дреме левкоя...
Но верно и тайно ведет
От радости и от покоя.

Умеет так сладко рыдать
В молитве тоскующей скрипки,
И страшно ее угадать
В еще незнакомой улыбке.

24 ноября 1911

Сжала руки под темной
вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»
— Оттого, что я горькой
печалью
Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел,
шатаясь,
Искривился мучительно
рот...
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула:
«Шутка
Все, что было. Уйдешь, я
умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на
ветру».

8 января 1911

Драма началась «за кадром», и повинна была в ней, по-видимому, героиня. Впрочем, стихотворение вовсе не о том, «кто виноват?» Оно о более сложном и трагическом — страшном взаимонепонимании людей, даже когда они любят. Любовь едва обозначена, но «едва» относится к способу изображения, а не к силе чувства. Чувство, напротив, так велико, что составляет всю жизнь героев.

Поэтому у одной — порыв, почти полет («перил не касаясь»), у другого — почти оцепенение, неподвижность, чтобы изо всех сил не выдать своего истинного чувства («улыбнулся спокойно и жутко»). Стихотворение в двенадцать строк оказалось не только драматической сценой, но конспектом целого романа, тема которого — трагическое неумение понять друг друга, прорваться через ложные слова и поступки, разъединение людей — станет одной из ведущих тем мировой литературы второй половины двадцатого века.

Эта «перчатка с левой руки» обошла, кажется, все статьи и книги об Ахматовой, так зрима была психологическая деталь, выдававшая тщательно скрываемое волнение героини. В. Шкловский писал: — «Когда Ахматова говорила: «Я на правую руку надела перчатку с левой руки», — то это было стилистическим открытием, потому что любовь у символистов должна была появиться в пурпурном круге и должна была быть преобразованием мира, раскрытием премудрости или раскрытием его интернациональной пошлости». Но дело было не только в стилистике — право на поэзию получала, «самая обыкновенная» любовь, с ее драмами, непониманием, доходящим порой до жестокости.

Я сошла с ума, о мальчик
странный,
В среду, в три часа!
Уколола палец безымянный
Мне звенящая оса.

Я ее нечаянно прижала,
И, казалось, умерла она,
Но конец отравленного жала
Был острее веретена.

О тебе ли я заплачу, странном,
Улыбнется ль мне твое лицо?
Посмотри! На пальце
безымянном
Так красиво гладкое кольцо.

18—19 марта 1911

Только пробившись сквозь изысканность этого сравнения кольца с осой, можно различить все тот же ахматовский мотив: страдание неизвестно из-за чего, нет виноватых.

Характер героини может переосмысляться по-разному, но всякий раз будет представлять личность незаурядная, сильная. Недаром в одном из стихотворений Ахматова сказала, что в ней «капелька новгородской крови — как льдинка в пенном вине» (надо вспомнить традиционный для русской поэзии образ Новгорода как оплота свободы, как символ мужества).

В **1914** году вышел второй сборник стихов Ахматовой — «Четки». Книга начиналась триптихом «Смятение»:

2

1

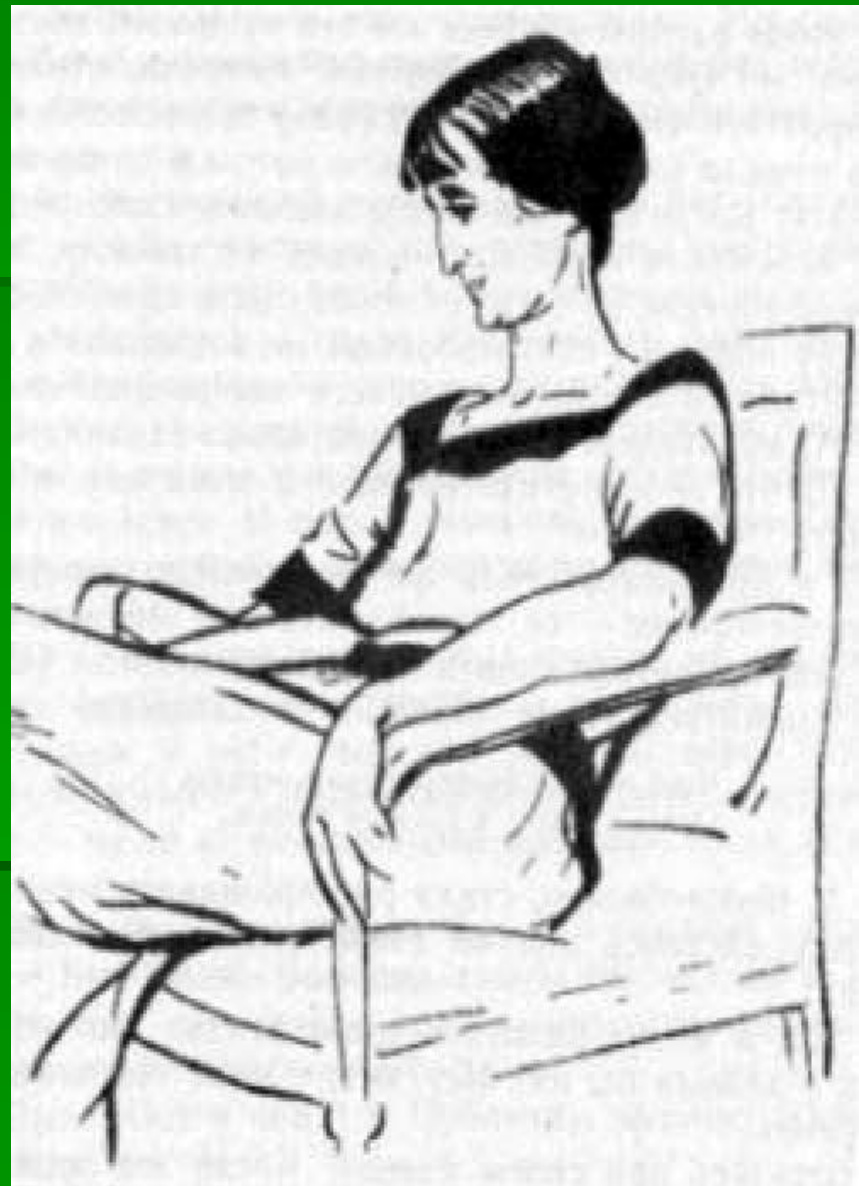
Было душно от жгучего
света,
А взгляды его — как лучи.
Я только вздрогнула: этот
Может меня приручить.
Наклонился — он что-то
скажет...
От лица отхлынула кровь.
Пусть камнем надгробным
ляжет
На жизни моей любовь.

Не любишь, не хочешь
смотреть?
О, как ты красив,
проклятый!
И я не могу взлететь,
А с детства была
крылатой.
Мне очи застит туман,
Сливаются вещи и
лица,
И только красный
тюльпан,
Тюльпан у тебя в
петлице.

Как велит простая
учтивость,
Подошел ко мне,
улыбнулся,
Полуласково, полулениво
Поцелуем руки коснулся —
И загадочных, древних
ликов
На меня поглядели очи...

Десять лет замираний и
криков,
Все мои бессонные ночи
Я вложила в тихое слово
И сказала его — напрасно.
Отошел ты, и стало снова
На душе и пусто и ясно.

1913

Исследователь писал: «Не правда ли, стоит этот тюльпан, как из петлицы, вынуть из стихотворения, и оно немедленно померкнет!.. Почему? Не потому ли, что весь этот молчаливый взрыв страсти, отчаяния, ревности и поистине смертной обиды — одним словом, все, что составляет в эту минуту для этой женщины смысл ее жизни, все сосредоточилось именно в тюльпане: ослепительный и надменный, маячащий на самом уровне ее глаз, он один высокомерно торжествует в пустынном и застланном пеленою слез безнадежно обесцветившемся мире. Ситуация стихотворения такова, что не только героине, но и нам, читателям, кажется, что тюльпан не «деталь» и уж, конечно, не штрих, а что он — живое существо, истинный, полноправный и даже агрессивный герой произведения, внушающий нам некий невольный страх, перемешанный с полутайным восторгом и раздражением.»

Цикл стихов «Черный сон» объединил стихи разных лет, с **1913** по **1921** год. Он посвящен Владимиру Казимировичу Шилейко (**1891 — 1930**) — второму мужу Ахматовой. Выдающийся ученый-востоковед, специалист по древним клинописным языкам, поэт.

***

Тебе покорной? Ты сошел с ума!
Покорна я одной господней воле.
Я не хочу ни трепета, ни боли,
Мне муж — палач, а дом его —
тюрьма.

Но видишь ли! Ведь я пришла
сама...
Декабрь рождался, ветры выли в
поле,
И было так светло в твоей неволе,
А за окошком сторожила тьма.

Так птица о прозрачное стекло
Всем телом бьется в зимнее
ненастье,
И кровь пятнает белое крыло.
Теперь во мне спокойствие и
счастье.
Прощай, мой тихий, ты мне вечно
мил
За то, что в дом свой странницу
пустил.

Август 1921

Любовная лирика Ахматовой, не приукрашивая, передавала драму человека честного, благородного, любящего, но никогда не покупающего чувство ценою собственного унижения, измены человеческому в себе и других. Н. Осинский (Оболенский), соратник В. И. Ленина, в 1922 году на страницах «Правды» оценил Ахматову как «первоклассного лирического поэта», которому «после смерти А. Блока бесспорно принадлежит первое место среди русских поэтов».

Анна Ахматова

**«Я голос ваш.
Жар вашего дыханья».**